

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

...вся завтрашняя работа в России в такой момент, когда Ваши громадные знания и громадный политический опыт страшно нужны русскому пролетариату, всё это создаёт новую почву, на которой всего легче забыть старое, спеться на живом деле.
(из письма Г.В. Плеханову в октябре 1905)

...я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириомониста Богданова и эмпириокритиков Базарова, Луначарского и др. – и все мои симпатии они толкают к Плеханову! Надо же иметь физическую силу, чтобы не давать себя увлечь настроению, как делает Плеханов!.. В философии он отстаивает правое дело. Я – за материализм, против «эмпирио-» и т. д.
(из письма А.М. Горькому от 7 февраля 1908)

В.И. Ленин

КОММУНИСТ ЛЕНИНГРАДА

№ 6/06 (54)

АССОЦИАЦИЯ МАРКСИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТОВ

89-я годовщина Великого Октября в Ленинграде

Стр. 2

*****

**РОССИЯ – 15 ЛЕТ
ПОСЛЕ КОЛЛАПСА**

Взгляд со
стороны

Стр. 5

**ЗА НАРОДНУЮ
ЖИЛИЩНУЮ ПОЛИТИКУ**

Стр. 7

**Николай Островский –
снова и снова**

Стр. 28

**МИР И
КЛАССОВЫЕ БОИ**

Стр. 28

**ПИСЬМА НАШИХ
ЧУПТАПЕЛЕЙ**

Стр. 33

**ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МАРКСИСТ.
Год 150-летия Плеханова**

Стр. 9

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
"ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА И
СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

Стр. 11

**КЛАССОВАЯ
БОРЬБА «ЗДЕСЬ
И СЕЙЧАС» –
СЕМИНАР
ПИТЕРСКИХ
МАРКСИСТОВ**

Стр. 34

С Новым 2007 годом - годом 90-летия Великого Октября!

Иногда приходится слышать, особенно часто кое-кем это повторялось в декабре нынешнего года, будто в советские времена имя Г.В.Плеханова замалчивалось. Но это не соответствует действительности. Издавались труды и собрания сочинений первого российского марксиста. И

отмечались памятные дни. Так, 100-летний юбилей Плеханова в декабре 1956 года увенчался торжественным заседанием в Большом театре. Оно засвидетельствовано приводимым нами фотоснимком

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г.В.ПЛЕХАНОВА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР"

11-12 декабря 2006 г., Санкт-Петербург, Дом Плеханова

От редакции. Материалы конференции публикуются в сокращении, ввиду очевидной ограниченности «газетного пространства». К сожалению, некоторые авторы, огласив свои замечательные работы буквально «на одном дыхании», не успели до выхода этого номера представить нам тексты своих докладов – ни в электронной форме, ни, как теперь говорят, «в твердой копии». Мы надеемся опубликовать часть этих работ в последующих выпусках КЛ, в рубрике «Вопросы теории».

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО генерального директора Российской национальной библиотеки В.Н.Зайцева

Мы собрались в Доме Плеханова в день рождения Георгия Валентиновича, чтобы отметить 150-летие со дня его рождения, в Доме, который был создан для того, чтобы увековечить память об истинном сыне и патриоте России, остающемся для нас примером в поиске истины и готовности бороться за ее торжество.

Георгий Валентинович внес значительный вклад в развитие философии, социологии, экономики, исторической науки, литературоведения и искусствоведения. Его труды в области обществоведения до сих пор не потеряли своей актуальности, в чем мы можем убедиться, заглянув в программу сегодняшней конференции.

Это положение подтверждается и широтой тематики, которая обсуждается на уже вошедших в традицию библиотеки Плехановских чтениях. Например, за последние 10 лет последовательно рассматривались «Историософские проблемы общественных наук на рубеже тысячелетий»,

«Исторические судьбы России», «Россия: путь в сто лет (1900-2000 гг.)», «Россия в начале 20 века: вступление в эпоху исторических преобразований».

В Чтениях принимают участие отечественные и зарубежные исследователи.

В 2008 году пройдут очередные Плехановские чтения, и этот год станет двадцатым с начала их проведения. Проведение этих конференций, и тот интерес, который проявляют к ним ученые, свидетельствуют об актуальности идей Плеханова.

Изучение его трудов может оказать большое влияние на развитие современной общественной мысли, на осмысление исторического пути нашей Родины и выбора путей развития, и этим подчеркивается необходимость академического издания Собрания сочинений Плеханова.

Работа, проделанная основателями Дома Плеханова и продолжателями их дела, заложила основательный фундамент для этой большой работы.

По предложению ряда общественных и политических объединений силами ведущих специалистов в области общественных наук в Доме Плеханова в течение последних трех лет проводятся научно-практические семинары по проблемам истории общественного движения России.

В перспективные планы работы Дома Плеханова входит организация фонда материалов современных политических объединений, пополнение архива фото- и кинодокументов, создание электронного каталога рукописных материалов фонда Г.В.Плеханова.

Учитывая актуальность и широту проводимой Домом Плеханова работы, Дирекция РНБ рассмотрела вопрос и приняла решение о преобразовании сектора «Дом Плеханова» в Центр хранения документов политической истории—Дом Плеханова.

Данное решение возлагает на Дом Плеханова, его сотрудников и круг их единомышленников большую ответственность, и дирекция РНБ выражает уверенность, что преобразование сектора «Дом Плеханова» в Центр хранения документов политической истории—Дом Плеханова, официальное закрепление за ним уже исполняемых функций адекватно отразят фактическое положение Дома Плеханова в структуре библиотеки и в

научной среде в целом. Эти изменения, если соответствующие решения будут приняты, позволят ярче представить научно-исследовательскую, культурную и просветительскую работу РНБ, подчеркнуть ее научный статус в нашей стране и за рубежом.

Г.В.ПЛЕХАНОВ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИИ

В.В. Калашиников

1. Главная заслуга Плеханова – развитие, пропаганда и защита материалистического понимания истории – исторического материализма.

2. Подчеркну только одну особенность в плехановском подходе к истмату. Признавая роль Маркса как создателя материалистической теории истории, Плеханов в то же время относился к истмату как к закономерному результату развития общеевропейской мысли, результату усилий многих людей.

Плеханов находил и выделял материалистическое понимание истории у многих предшественников и современников Маркса на Западе и в России. Именно под таким углом зрения он говорил о важности «антропологического материализма» Н.Г.Чернышевского, «экономического материализма» М.А.Бакунина и «философского реализма» П.Н.Ткачева. Плеханов видел материалистические основы в работах ряда российских историков (В.О.Ключевского, М.М.Ковалевского и др.).

Почему это важно отметить сейчас? Потому, что в 1990-е гг. в нашей стране по понятным причинам истмат подвергся агрессивной атаке, в ходе которой насаждался тезис о том, что истмат представляет собой учение, которое возникло *в ряду других учений* в середине 19 века, *не выдержало проверку временем и уступило место другим теориям*. Плехановский подход показывает, что истмат – не одно из многих, а общий результат развития историософской мысли, и к материалистическому пониманию истории пришли в разной мере многие мыслители. Это снимает с методологии Маркса оттенок исключительности и не позволяет говорить о ее преходящем значении.

3. Материалистическое понимание истории сегодня господствует в мировой исторической науке. На этой основе работают как апологеты, так и критики марксизма, и тысячи историков, политологов, социологов, которые изучают конкретные явления и процессы, не считая необходимым формулировать свои методологические позиции. Это основная парадигма исторического знания, которой просто нет равной альтернативы.

Покажу это на трех разноплановых примерах.

3.1. Наиболее значительным социальным теоретиком после Маркса в конце 19 века был Макс Вебер. В своих работах он упрекал Маркса за экономический детерминизм и показывал, что развитие капитализма сильно зависит от религиозных и этических норм. Так, в протестантской этике Вебер видел важнейший фактор развития капитализма на Западе, а этика Востока объявлялась причиной отсутствия капиталистического развития на Востоке.

В XX веке его теория была объявлена главной альтернативой марксизму. Но при этом *замалчивалась эволюция взглядов самого Вебера*.

На склоне лет Вебер был осторожен в своей критике Маркса. Во-первых, потому, что в своем трехтомнике по религиям Востока Вебер не смог объяснить происхождение восточных религий без обращения к социально-экономической истории Востока. Т.е. он не смог объяснить общественное сознание без обращения к общественному бытию. Во-вторых, Веберу было трудно объяснить тот факт, что в Европе капиталистические отношения появились и активно развивались сначала в Италии, где не было протестантской этики. В последних работах у Вебера акцент на этику как определяющий фактор развития просто пропал.

Но в историографию Вебер вошел как якобы успешный критик марксизма и создатель цивилизационного подхода в противовес формационному. На деле Вебер успешно критиковал лишь вульгарный марксизм, но не концепцию Маркса.

В современной историографии Веберу все отдают дань уважения, но при анализе истории становления западноевропейского капитализма акцент делается не на протестантскую этику, а на развитие итальянской морской торговли со времен крестовых походов, на роль еврейского банковского капитала и т.п.

А на Востоке, который Вебер считал недоступным для развития капитализма из-за особой восточной этике, через 10 лет после смерти Вебера начался индустриальный взлет Японии. Через полсотни лет – появились «новые азиатские драконы», начался экономический взлет Китая и Индии, и стало просто неприлично говорить об особой традиционной этике Востока, которая препятствует развитию капиталистических отношений.

3.2. Второй пример связан с интерпретацией истории России и СССР. Как это не парадоксально звучит, но вся западная советология и все столпы современного российского либерализма вели и ведут свою критику советского общества, исходя из истматовской методологии.

Так, все западные советологи всегда признавали, что главное отличие между капитализмом и социализмом заключается в форме собственности на средства производства, т.е. в производственных отношениях, и именно из этого выводили разницу в политическом строе: демократия на Западе, тоталитаризм на Востоке.

На этих же позициях стоят сегодня и наши российские либералы (Ясин, Гайдар и др.). Они утверждают, что советское общество якобы было обречено на гибель потому, что в нем отсутствовала фундаментальная ценность – частная собственность, которая «есть основа экономического прогресса и духовной свободы». Не касаясь вопроса о справедливости этого тезиса, отметим, что и они таким образом признают именно форму собственности на средства производства определяющим фактором общественного развития, базисом, на которой создается надстройка из политических и всяких иных институтов.

3.3. Третий пример переносит нас на уровень обыденного сознания. Посмотрите на то, что произошло в общественном сознании России за последние 15 лет. Разве кто-нибудь осмелится отрицать то, что наше кино, СМИ, школа, взгляды и поведение людей, их отношение друг к другу резко изменились именно потому, что изменилось общественное бытие, и прежде всего фундаментальные отношения к собственности на основные средства производства? Таких людей не встречал. Нельзя отрицать очевидное.

Иными словами современная действительность во всех бывших соц. странах как никогда ясно показывает правоту фундаментального тезиса истмата о том, что общественное бытие определяет общественное сознание.

4. Тем не менее, критика истмата постоянно ведется в научной и учебной литературе и в России и на Западе. И вся критика истмата строится по одной схеме: сначала истмату придается вульгарный характер, затем такой вульгарный истмат успешно разоблачался. Примеров тому – тьма.

5. После Маркса историки создали много плодотворных методологических моделей и приемов, объясняющих ту или иную сторону исторического процесса, но нет общей теории истории, которая могла бы сравниться с истматовской теорией по полноте и глубине объяснения исторического процесса. Более того, те новые приемы и

модели, которые оказались наиболее плодотворны, с очевидностью укладываются в истматовскую парадигму.

Например, популярная теория «модернизации» исходит из того, что на базе аграрной экономики существуют социальные и политические институты, которые неизбежно вовлекаются в процесс трансформации по мере того, как общество начинает переход в индустриальную стадию развития. Это чисто истматовская парадигма, хотя сторонники теории модернизации предпочитают не пользоваться истматовской терминологией и создают свои термины, свои модели, внешне отличные от истмата.

То же самое можно сказать и в отношении «цивилизационного» подхода. Хочу подчеркнуть, что цивилизационный подход полностью вписывается в истматовскую идеологию, ибо главный тезис истмата гласит, что именно общественное бытие, т.е. среда во всей совокупности своих составляющих, определяет общественное сознание. Такой же вывод можно сделать и применительно к школе «Анналов», уделяющей огромное внимание истории «повседневности», роли «ментальности» в историческом процессе.

6. Следует отметить, что и «цивилизационный» и «ментальный» подходы всегда использовались ведущими представителями истматовской теории истории. В том числе и для анализа текущей политической практике.

Так, ленинская теория революции в России строилась на цивилизационном подходе не в меньшей мере, чем на формационном. Сразу после Февральской революции Ленин прямо говорил о том, что взять власть в России большевики смогут только потому, что основная масса российского населения выступает против института частной собственности на землю. Менталитет российского крестьянства был цивилизационной особенностью России, которая и учитывалась Лениным как важнейшая социально-политическая предпосылка для социалистической революции в России.

ЛИКИ И СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТНОСТИ

Л.А.Булавка, Москва

Одна из центральных теоретических проблем, поднятых Г.В.Плехановым – это вопрос о роли личности в истории. Рассматривая эту проблему, Г.В.Плеханов вскрывает одно из важнейших противоречий: историю, исторические события творит народ, а образ им придает та или иная историческая личность. В связи с этим возникает вопрос, при каких условиях возможно, чтобы история обрела «лицо» своего непосредственного субъекта?

И здесь мы выходим на другое противоречие: человек всегда в той или иной мере раб истории, вкладывая в это тот смысл, что индивид есть некая функция господствующих общественных сил. Это с одной стороны. С другой - человек является творцом той же истории, понимая под этим творчество тех или иных форм общественных отношений.

Возникает вопрос: какова мера этого соотношения (рабского и творческого бытия в истории) для индивида, той

или иной социальной группы, человеческого сообщества в целом в те или иные исторические эпохи. Именно мера разрешения этого вопроса в рамках той или иной общественной системы определяет и меру становления ее гуманистичности.

Рассмотрим решение этого противоречия на трех исторических изломах: эпоха Возрождения, Советский проект и альтерглобализм.

Самоутверждение индивида как субъекта творчества, составляющее суть гуманизма Ренессанса и Советской культуры, в то же время являлось основой возникновения и развития достаточно острых противоречий уже самой реальной общественной практики каждой из этих эпох. Утверждение принципа субъектности (в Ренессансе – в области культуры, в системе «реального социализма» - в культуре и истории) нередко сопровождалось попытками (часто не безуспешными) подавления связанных с этим общественных (как индивидуальных, так и коллективных) интенций силами господствующего института власти (через механизм церковной инквизиции или же сталинских репрессий).

Революционность и Ренессанса, и Советской культуры заключалась в том, что обе этим эпохи стояли на пути человеческого самоутверждения, только в первом случае – стихийного, а во втором – уже сознательного. Неслучайно, искусство этих двух разных эпох востребовало общий для них героический и даже титанический, жизнеутверждающий образ Человека, явившийся нам в художественных образах, только в одном случае представленных в творениях Микеланджело, а в другом – скульптора В. Мухиной. Их образы в полной мере отвечают представлениям одного из самых ярких представителей Ренессанса Леона-Баттиста Альберти о предназначении человека: «...Будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы владеть печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом»

Но и Ренессанс, и Советская эпоха показали предел человеческого совершенства и тем самым трагедию отдельного человека. «Трагедия – не только завершающийся, но и исходный пункт Ренессанса»¹ - эти слова К.М.Кантора в полной мере можно отнести и к истории «реального социализма». Понятие «трагедия» всегда присуще только такому типу культуры, которая исходит из гуманистического идеала. Отсутствие «человека» как понятия, идеи, образа, идеала изымает из культуры собственно и само человеческое понятие - «трагедия», что мы и наблюдаем на примере постсоветской культуры.

Альтерглобализм как новый тип социального движения возник в результате разрешения определенных противоречий процессов глобализации и в первую очередь, проблемы творческого принципа общественного бытия индивида как субъекта. В то же самое время, данное движение явило свои внутренние противоречия как имманентные противоречия самих альтернатив современному миру отчуждения, и в первую очередь, противоречия осуществления субъектности индивида в практике альтерглобализма.

Это в очередной раз доказывает, что данное движение является живым, а не политически сфабрикованной структурой.

Индивид, творящий, хотя и противоречиво основы своего общественного бытия - это не только сущность альтерглобализма, но и альтернатива «человеку скучному» -

¹ Кантор К.М. Двойная спираль истории. М., 2002, с.440

типичной фигуре эпохи массового потребления, массовой культуры, средств массовой информации.

Новый человек альтерглобализма - это активная, коммуницирующая в режиме диалога, веселая индивидуальность, которая стремится к осуществлению себя как «*Personlichkeit*» в логике **социального творчества**. Анализ проблемы становления субъектности индивида через развитие противоречия «Человек – творец Истории; Человек – раб Истории» на примере трех социальных изломов (Ренессанса, Советской эпохи и альтерглобализма) объективно выводит на проблему генезиса и развития феномена *Нового человека*.

В тоже время это позволяет нам увидеть историческую диалектику становления одной из центральных категорий гуманизма на этих исторических изломах, которую можно представить следующим образом: от идеалов **свободы** Ренессанса через идеал **освобождения** Советской культуры к **самоосвобождению** альтернативных движений глобализации. Эта диалектика и является важнейшей предпосылкой того, что, наконец, исторические события смогут обрести лик своего субъекта.

С одной стороны, эпоха **Ренессанса** рождает мощную культуру (Данте, Микеланджело, Рабле и др.), до сих пор несущую в себе идейно-эстетический вызов человеческому сообществу.

С другой - эпоху Ренессанса характеризует действие института инквизиции, гражданские войны.

А что получилось в результате?

С одной стороны, Ренессанс – это порыв к гуманизму (в эпоху инквизиции и гражданских войн), утверждающий понимание *человека* как титана, соотносимого с Богом и творящего истину и красоту.

С другой – эпоха Возрождения продемонстрировала провал попыток ухода от социальной несправедливости, сословного неравенства и феодально-церковного авторитаризма, раздробленность страны.

Используя выражение философа Фукуямы, можно сказать, что мощные исторически интенции Ренессанса претерпели конец. И подтверждением этого могут служить то обстоятельство, что утопические попытки движения к свободе личности, к демократии, к рынку доказали свою ограниченность и более того – бесплодность.

Попытки осуществления **Советского проекта** показали следующее: с одной стороны, мы имели значительные достижения как в сфере материального, так и идеального. Вот лишь некоторые из них.

- Новый опыт движения к социальной справедливости.
- Победу *Нового человека* (= советского) в борьбе с фашизмом в Великой отечественной войне.
- Создание нового типа культуры – советской, являющейся не просто частью мирового культурного наследия, но именно всемирной формой культуры.
- Прорыв в сфере науки (первый полет человека в космос) и образования.

В тоже время осуществление советского проекта было связано с негативными, а зачастую - трагическими последствиями:

- преступления «голого» активизма в виде сталинского Гулага и застойных «психушек», а также в виде повседневного бюрократического «заматывания» общественных инициатив, ведущего к уничтожению феномена *Нового человека*;
- распад СССР;

- деградация креатосферы с его субъектом – *Новым человеком*;

- торжество обывателя, утверждающего и не только в сфере культуры господство частного интереса.

Закljučая данную работу, можно сделать следующие выводы:

- Активизм творца, переходящего границы объективно возможных и необходимых прогрессивных изменений, ведет к волюнтаризму, вырождающемуся в пандемию насилия.

- Пассивность конформиста в эпоху назревших перемен рождает скуку заканчивающейся истории, оборачивающуюся для человеческого сообщества социальной «чумой» фундаментализма разного рода.

- «Средства» социального творчества не могут иметь формы более отчужденные, нежели его цели; движение к свободе не может осуществляться при помощи институтов подавления свободы.

О ПОМЕТАХ Г.В.ПЛЕХАНОВА НА КНИГАХ С.Ф.ПЛАТОНОВА

С. Сакамото (Токио)

В Доме Плеханова сохраняется три книги Платонова, принадлежавшие Плеханову и записанные его пометами: «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник», «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» и «Лекции по русской истории»(1), и еще тетрадь(2), в которой Плеханов записал заметки, читая вторую книгу. Эти материалы помогают нам выяснить, как он относился к историческому взгляду Платонова.

В тетради под номером 193 Плеханов пишет: «286.- Значение подкрестной записи Шуйского. Оч. важно»(3). А в 286-ой странице книги «Очерки по истории смуты ...» Плеханов отмечает боковой линией и знаком NB строки: «Дело разъяснится, если мы станем на ту точку зрения, что «запись» царя Василия есть не договор царя с боярами, а торжественный манифест нового правительства, скрепленный публичною присягою его главы и представителя. Царь Василий говорил и думал, что восстанавливает старую династию и старый порядок своих прародителей «великих государей». Старый порядок он понимал так, как понимали люди его круга - родовитая знать, князья, задавленные опричниною и теперь поднявшие свою голову». В своем труде «История русской общественной мысли» Плеханов, отклоняя взгляд Ключевского на подкрестную запись Шуйского, что она явилась плодом сделки бояр с новым царем, пишет: «Гораздо более вероятным представляется мне тот взгляд профессора Платонова, согласно которому подкрестная запись царя Василия вовсе не была ограничительной, а являлась только торжественным манифестом нового правительства, скрепленным присягою его главы»(4). Из этого видно, что во взгляде на подкрестную запись Шуйского Плеханов стоял ближе к Платонову, чем к Ключевскому. В странице 287-ой книги «Очерки по истории смуты ...» Платонов пишет: «Так в записи царя Василия выразилось настроение аристократического кружка, владевшего тогда Москвой и думавшего править государством. Желая возратить дворец и государство к давно утраченным аристократическим тенденциям, этот кружок ...». Эти строки Плеханов отмечает боковой линией и знаком NB и делает к ним заметки: «287 - NB. Вполне верно»(5). С этой точки зрения Плеханов в труде «История русской общественной мысли» критически отно-

сится к мнению Ключевского, что воцарение Шуйского составило эпоху в политической истории России, так как новый царь ограничил свою власть и довел об этом до сведения жителей своего государства в особой разосланной по областям записи, на которой он целовал крест. Плеханов пишет: «Никакого нового движения понятий в ней не заметно. Поэтому и воцарение Шуйского не может считаться новой эпохой в нашей политической истории»(6). Ясно, что здесь взгляды Плеханова и Платонова вполне совпадают, отличаясь от взгляда Ключевского.

На 404-ой странице книги «Очерки по истории смуты ...» Плеханов подчеркивает высказывание Платонова о договоре 4-го февраля 1610 г.: «В отношении же общественно-го строя составители февральского договора стояли в той же мере, как и царь Василий, за сохранение и утверждение крепостного порядка в Московском государстве. ... холопы должны были служить господам на старом основании, и предполагалось, что «вольности им государь его милость давать не будет» и записывает в тетради заметки: «NB Консервативный характер требования тушинских москвичей NB 404. - Крайне важно»(7). Из этого, кажется, можно сказать, что Плеханов разделял с Платоновым мнение о консервативном характере договора 4-го февраля. Но в 203-й странице XX-го тома сочинений Плеханова (редактор - Рязанов) он будто бы написал: «Договор 4 февраля, несомненно, ставил некоторые преграды царской власти. Так, например, изменять законы и судебные обычаи новый государь мог лишь с согласия бояр и «всей земли»». Это - значительное ограничение. Но и здесь никак нельзя согласиться с проф. Платоновым, который полагает, что оно «имело целью не перестройку прежнего политического порядка, а, напротив, охрану и укрепление «звычаев всех давних добрых» от возможных нарушений со стороны непривычной к московским отношениям власти». Когда, несколько лет спустя, избран был в цари человек русского происхождения, к нему отнеслись с меньшим недоверием и потому уже не так заботились, - если вообще заботились, - об ограничении его власти». Принимая в соображение совпадение взглядов Плеханова и Платонова о характеристике договора 4-го февраля, мы можем указать, что здесь не должно быть так, как «ни-как нельзя согласиться с проф. Платоновым», а как «никак нельзя не согласиться с проф. Платоновым».

В заключение мы можем сказать, что рукописные материалы и пометы на книгах в Доме Плеханова еще составляют «материальную целину» для изучения взглядов Плеханова.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДОВОЕННОЙ ЯПОНИИ. 1880-1920

Тосио Аида (Токио)

В истории Японии одним из ее поворотных пунктов стала революция Мейдзи, открывшая путь капиталистическим преобразованиям в национальной экономике, социальном, культурном и военном развитии страны. Происходившие изменения стимулировали процесс

интеграции ранее изолированно развившейся японской системы хозяйствования в мировую.

Ликвидация феодальных ограничений способствовала росту социальной мобильности населения, особенно среди таких слоев общества, как самураи и фермеры, способствуя привлечению первых к частному предпринимательству, работе в органах управления и на производстве и вынуждая крестьян покидать деревни в поисках работы на фабриках и заводах столиц и крупных городов.

Одновременно с этими изменениями происходил процесс организационного оформления в союзы и объединения рабочих наиболее динамично развивавшихся отраслей промышленности, таких как текстильная, угледобывающая, кораблестроительная и ряде других притом, что принятое в 1900 г. фабричное законодательство запрещало создание профсоюзов и организацию забастовок. Характерной особенностью профессионального движения в предвоенной Японии было идейное размежевание его членов, часть которых добивалась использования радикальных средств в борьбе за права трудящихся.

Образованное в 1897 Общество содействия организации профсоюзов стало координирующим центром забастовочного движения, автором серьезных поправок в закон о труде, включавших запрет на использование детского труда для лиц, не достигших 10 лет, введение 8-мичасового рабочего дня для лиц младше 14 лет, сокращение трудовой недели до 6 дней и ряд других положений.

В начале 1900-х гг. организуются Общество по изучению социализма, Социал-демократическая партия Японии, Японская социалистическая партия, возглавившие демократическое движение в стране за расширение избирательных прав, сокращение военных расходов, растет движение пацифистов.

Начавшийся в 1920-е годы промышленный спад вызвал новую волну рабочего движения, в ходе которого наряду с экономическими были выдвинуты требования по реформированию политической системы страны.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Г.В.ПЛЕХАНОВА

О.К.Цапиева, Махачкала

Первоначально экономические взгляды Г.В. Плеханова сформировались под воздействием народничества. Г.В.Плеханов указывал на общину как важный элемент реальной социальной жизни и экономическую основу будущего социализма. Однако в 1881 году в письме к П.Л.Лаврову он впервые делает вывод о том, что Россия уже вступила на путь «естественного закона развития», промышленный капитал уже прокладывает себе дорогу в системе хозяйственных отношений. Г.В.Плеханов первый в России поставил вопрос о том, что путь к социализму лежит через развитие капитализма. Переход к социализму, по его мнению, возможен на основе достижения более высокой

организации всех функций социально-экономической жизни. Решить эту задачу может только европейски развитый класс – пролетариат. В 1902 году Г.В. Плеханов стал автором проекта программы РСДРП. Текст программы отражал его взгляды на революционное пролетарское будущее России. Г.В. Плеханов во многих работах также высказывал мысль о социальной справедливости как основе общественного устройства и об освобождении рабочего класса от экономической эксплуатации как процессе защиты интересов всего человечества.

В 1905-1906 годах Г.В. Плеханов выступил против большевиков, считая, что они отрицают объективные условия революции. Он подчеркивал, что уровень экономического развития страны вносит ограничения в социальные перемены, Россия созрела лишь для буржуазной революции, поэтому взгляды на захват власти пролетариатом для осуществления социалистической революции являются утопическими.

С 1909 года, работая над «Историей русской общественной мысли», Г.В. Плеханов обратился к проблемам субъективных воздействий на русский исторический процесс, влияния Востока и Запада на своеобразие революционного движения, роли культуры в ходе взаимного влияния базиса и надстройки.

В 1917 году Г.В. Плеханов волнует мысль о дезорганизации экономики, он выступает за программу новой экономической деятельности на базе реформ в интересах рабочего класса. После Октябрьской революции 1917 года Г.В. Плеханов показал, что насильственный захват власти свидетельствует о социальной незрелости российского общества и вряд ли продвинет его на пути к прогрессу.

О докладах сотрудников Института философии Академии Наук КНР профессорам Вэй Сяопин, Сю Шубау, профессора Университета Рен Ми Чжан Лиман

В вышеуказанных докладах (см. заголовок) рассматривались вопросы, связанные с изучением и распространением идейного наследия Г.В. Плеханова в Китае в целом, а также актуальности ряда положений его концепции исторического развития в условиях осуществляемых в Китае социально-экономических реформ, целью которых является гармонизация общественных отношений.

В докладах отмечалось, что труды Плеханова, особенно в области философии, таких ее отдельных областях, как философия истории, теория литературы и искусства, являющи-

еся его лучшими произведениями, переиздавались в Китае многократно. Работы «Основные вопросы марксизма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Письма без адреса» и «Искусство и общественная жизнь», «О роли народных масс в истории», «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю», «К вопросу о роли личности в истории», «Основные вопросы общественных наук», «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии» и ряд других выходили более пяти раз; работа «Основные вопросы марксизма» – 9 раз; особое среди изданий занимает «История русской общественной мысли», изучение которой приобрело особый характер, когда в стране стали преодолеваются ошибки, допущенные в ходе культурной революции, и был взят курс на изменение внутри и внешнеполитического развития Китая.

Названные изменения потребовали серьезной теоретической работы в области осмысления природы социализма, оценки материальной и интеллектуальной готовности общества к социалистическому строительству; они сделали необходимой выработку такого внутри и внешнеполитического курса, который позволит посредством гармонизации отношений в этих двух средах обеспечить выполнение стратегической задачи – социалистического переустройства общества.

ПЛЕХАНОВ И ПОНЯТИЕ "ВОСТОЧНОГО ДЕСПОТИЗМА"

Сэмюэл Хаскелл Бэррон, Чэпел Хилл

В статье 1967 года, примечательным образом озаглавленной «Плеханов о восточном деспотизме», Ю. Полевой отмечал, что в сталинскую эпоху литературное наследие Плеханова было «предано забвению, и его роль в развитии исторической науки умалялась или замалчивалась.» Автор был неким флюгером, ибо в статье, опубликованной в 1954 году, Полевой сам «умалял» исторические взгляды Плеханова, утверждая, что это был «вариант реакционной мелкопоместно-буржуазной исторической концепции.» Очевидно, климат политики и историографии менялся; и с этим было связано, помимо прочего, возрождение интереса к мышлению Плеханова. Мы еще поговорим об этом, но прежде следует выяснить, как и почему взгляды Плеханова были «преданы забвению».

Один ключ возвращает нас к решениям, зародившимся в конце 1920-х – 1930-х гг. В 20-х годах революционная активность в Китае побудила ряд советских марксистов обратить внимание на Азиатский Способ Производства – этот термин использовался попеременно с термином Восточный Деспотизм. Возникло разногласие относительно преобладания этого способа в Китае в прошлом. На конференции в 1931 г. в Ленинграде было провозглашено политически мотивированное решение об отрицании существования Азиатского Способа Производства. То, что раньше именовали так Маркс и Энгельс, теперь объявлялось сначала видом рабовладения, а затем – вариантом феодализма. В 1938 г. Сталин санкционировал эту позицию в главе «Истории ВКПб», где, перечисляя «пять главных типов производственных отношений», не назвал Азиатский Способ. Это обстоятельство не было направлено непосредственно на Плеханова. Тем не менее, оно развенчивало основной элемент его исторических взглядов. То есть – полилинейность исторического процесса, которую очертили Маркс и Энгельс; и, вслед за ними, воспринял Плеханов (в частности, в своих «Фундаментальных проблемах марксизма»).

Собственно говоря, исторические взгляды Плеханова были преданы забвению еще до событий, которых мы коснулись. М.Н.Покровский в 1923 г. предпринял целенаправленную дискредитацию взглядов Плеханова и подрыв его влияния. Он выдвигал обвинения по ряду пунктов, включая косвенные. Во-первых, Плеханов задел самолюбие своего обвинителя. Относительно «Истории русской общественной мысли» Покровский с плохо

скрываемым раздражением замечает, что Плеханов в большой степени опирается на таких «мелкопоместных» и «буржуазных» историков, как Чичерин, Соловьев и Ключевский, и практически игнорирует вклад марксистских историков. Действительно, в нескольких томах «Истории» Плеханов не упоминает человека, ставшего верховным судьей советской историографии, за исключением одного случая, когда критикует Покровского за неудачную аргументацию.

Конечно, между ними были и существенные разногласия, о которых Покровский говорит в лекциях 1923 г. Обращаясь к крупным дореволюционным историкам — утверждает Покровский — Плеханов стал пленником «статистической» школы русской историографии и ошибочно объяснял происхождение российского государства с помощью внеклассового и, следовательно, немарксистского подхода. Предвосхищая Сталина и игнорируя выделение Азиатского Способа Производства у основателей, Покровский обвиняет Плеханова в подчеркивании особенностей исторического развития России вопреки универсальности однолинейного исторического процесса, которую — как ошибочно утверждает он — поддерживали Маркс и Энгельс. В качестве основного пункта обвинения, Покровский указывает на политическую ориентацию Плеханова. На последнем этапе деятельности он сблизился с правым крылом социал-демократов. Соответственно, его «История общественной мысли», написанная в последние годы жизни, вообще не была марксистской историей, поскольку пропитана буржуазной идеологией.

Метафорически похоронив противника, Покровский вдруг предупреждает, что «плехановизм» еще может возродиться. «В своих исторических концепциях, — замечает он, — Плеханов — не наставник прошлого, а быть может, наставник будущего». И далее предрекает возможность «воскрешения «плехановизма». В сущности, именно такое частичное воскрешение взглядов Плеханова произошло в 1960-х — 1980-х гг.

Нельзя не отметить переиздания в те годы сочинений Ключевского (1956-59) и Соловьева (1959-66). Академик Л.В.Черепнин, редактор нового издания монументальной истории Соловьева и старейший специалист по так называемому «феодальному» периоду, пояснил такой поворот событий в статье, опубликованной в 1967 г.: «В условиях, когда влияние буржуазных концепций на исторические сочинения было еще сильно, марксистские историки, естественно, обращали внимание не столько на

то, что можно взять из буржуазной науки, сколько на то, что нужно преодолеть». Через пятьдесят лет после революции можно было более беспристрастно взглянуть на дореволюционных историков и отделить достойные порицания элементы их труда от вполне заслуживающих одобрения и усвоения. Более того, в своей работе «Образование русского централизованного государства» (1960), Черепнин заявил: «Положение Плеханова о том, что процесс образования русского централизованного государства происходил в условиях, сходных с условиями формирования Восточных деспотий заслуживает серьезного рассмотрения». Положительная оценка академика резко контрастирует с прежним обличением плехановской интерпретации истории у Покровского.

На конференции 1965 года, посвященной переходу от феодализма к капитализму, так называемое «новое течение» подчеркивало отличие российского исторического процесса от западноевропейского, включая, особую роль государства. В дискуссиях 1968 — 1972 гг. о природе российского самодержавия все большее число участников отличали российское государство от западных, применяя к России ярлыки деспотии, полувосточной или просто восточной деспотии.

Разногласия 60-х гг. возникали в контексте сенсационного оживления Азиатского Способа Производства при поддержке марксистов вне Советского Союза, в которой решающую роль играли французские марксисты. Движению способствовали марксистские историки Третьего Мира, которые утверждали, что картина пяти этапов, официально поддерживаемая в СССР, не соответствует фактам исторического процесса их стран, в отличие от объявленного вне закона Азиатского Способа Производства. Что не менее важно, критика понятия пяти этапов получила неизмеримую поддержку после запоздалого открытия раздела о докапиталистическом хозяйстве в «Очерках» Маркса, где четко признается особый Азиатский Способ Производства и, соответственно, полилинейность исторического процесса. Требование снятия запрета в СССР достигло кульминации в 1964 г. и произвело сенсационные результаты. Экономист Е.Варга наносит решающий удар и вынуждает давнего врага этого понятия академика-востоковеда В.В.Струве заявить: «Термин и концепцию 'Азиатского Способа Производства' десятилетиями отрицали советские историки, а термин "азиатчик" был бранным словом, несмотря на то, что не кто иной, как Маркс и Энгельс, ввели эту концепцию в историческую науку». Эти заявления открыли поток дискуссий, сочинений и публикаций в Советском Союзе с конца 1964 г. Конечно, не все советские историки поддерживали перемену, которую требовали борцы с давней догматической позицией. Так или иначе, хотя дебаты не были направлены непосредственно на Плеханова и его идеи, они явно добились новой легитимизации этих идей. Так, ведущий противник концепции В.Н.Никифоров признавал, что Азиатский Способ Производства «восстановлен в гражданстве».

Все вышесказанное в крайне сжатой форме отражает содержание ряда моих статей в разных журналах 1974-1977 гг. и последующей книги «Плеханов в русской истории и советской историографии». После написания этих статей я обратился к другим вопросам истории. Периодически я писал очерки о некоторых аспектах жизни и творчества Плеханова, но в основном направлял свои силы на изучение Московской Руси, в частности, *гостей* и сравнительно слабого развития капитализма, первых англо-русских связей и сочинений иностранных путешественников по Московии.

Вследствие этого, я не могу говорить о положении исторических идей Плеханова в России после середины семидесятых годов и, вероятно, особенно после распада Советского Союза. Несомненно, исследование этого вопроса было бы интересной и ценной задачей.

В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на интересные дебаты американских историков о наличии деспотизма в до-Петровской Руси. Этот спор не ориентируется на Плеханова, но явно связан с его идеями. Интересующиеся могут посмотреть книгу Маршалла По «Прирожденные рабы: Россия в этнографии начала нового времени», и статьи По и Валери Кивельсон в журнале «Критика». (N.S. T.4, №. I)

ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т.М.Смирнова, Санкт-Петербург

Греческие слова *patris* – родина, отечество – и *patriotes* – земляк, соотечественник – стали основой интернациональных понятий «патриотизм» и «патриот». Однако понимание патриотизма крайне неоднозначно, что показывает и история русского революционного движения

начала XX века, и современная ситуация в РФ. Речь не только о знаменитом «Патриотизм – последнее прибежище негодяев», основанном на констатации факта использования этого сильно-го чувства в корыстных целях, когда правящие классы и властная элита прикрывали свою жадность наживы, свои экспансионистские устремления патриотической ритори-

кой, посылая граждан своей страны на убой во имя «интересов родины». Возьмем формулировку из словаря Брокгауза и Эфрона: «Патриотизм – любовь к Отечеству, вытекающая из сознания солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации. Чувства привязанности к Родине и родному народу, проникнутые просвещенным пониманием умственных и нравственных потребностей народа, являются основой культурной общественной жизни; но те же чувства, пропитанные темными предрассудками и враждой к другим народам, вырождаются в узкий национализм и деморализующий шовинизм». Обратите внимание: *одни и те же патриотические чувства* могут вызывать весьма различающиеся последствия! И что это за «сознание солидарности интересов» – олигарха с безработным? либерала с коммунистом? демократа с государственным? русского и чеченца? Сегодня в РФ разные политические силы называют себя патриотами, но есть и такие, кто этим же словом ругает своих идеологических противников.

Так нужен ли сегодня в Российской Федерации – России патриотизм? Патриотизм – условие существования любой страны как территориальной общности и любого народа – как общности исторической, национальной и духовной. Если нет осознанного стремления жить вместе на одной земле, то нет и *родины* – родного для всех пространства жизни. Без Отечества нет патриотизма, но и без патриотизма нет Отечества. Но патриотизм – сложное и

многогранное явление, в его основе есть и биологическое, и социальное; и эмоциональное, и рациональное. Истоки привязанности человека к своей стране кроются в биологической потребности иметь свою территорию, необходимую любому существу для жизни. Чувство привязанности к своей земле у человека за тысячелетия социокультурного развития обогатилось и усложнилось – ведь на разных территориях, в разных геоклиматических условиях сформировались разные традиционные и национальные культуры.

Но защита своей земли-страны – это ведь не только военное дело, это еще и сбережение ее природы, то, что сейчас называют экологической безопасностью. Территориально-экологический аспект патриотизма разделяется большинством населения России. Но патриотизм этим не исчерпывается, он включает в себя еще многие компоненты – этнический, религиозный, идеологический... За более чем тысячелетнюю историю русского-российского государства его пределы раздвинулись стократно. «Касаясь трех великих океанов», Россия включает в себя этнические территории разных народов. Но если эти территории можно сравнительно точно локализовать, то собственно русская этническая территория такой локализации практически, за редким исключением, не поддается. История формирования русской нации оказалась одновременно историей освоения огромных пространств на востоке и на западе, на севере и на юге. Создавая централизованное государство, русские расселились *везде* на его территории и соседствуют с разными народами России не по какой-то сплошной линии-границе, а попеременно, сопряжено друг с другом. Поэтому призывы, раздающиеся сегодня, выделить в составе Российской Федерации особую Русскую республику или обеспечить «этническую чистоту» на «исконно русских землях», являются ущербными по определению. Этническая родина русских не может быть сведена к средневековым реалиям – во Владимирском княжестве русский этнос зарождался, но сформировался-то он не в колыбели, а на широких просторах Евразии. С другой стороны, в Поволжье и в Сибири русские встретились с народами, для которых именно эти земли были родными, но через некоторое время они стали такими и для русских – волжан и сибиряков. Каким же образом тут можно провести границу? В едином российском государстве люди разных национальностей приобрели территориальную мобильность, могли менять место жительства, в том числе уезжать и с этнической родины. Сохраняя свое национальное самосознание, они приобретали и чувство общности российской – как четко сформулировал народный поэт Башкирии Мустай Карим: «Не русский я, но россиянин». В многонациональной стране следует особенно взвешенно подходить к воспитанию этнического патриотизма, который может и разрушать уже сложившееся чувство общей родины, населенной разными народами. Если переборщить с этнической составляющей, то можно стимулировать ксенофобию, спровоцировать и шовинизм (агрессивный национализм), и расизм. А вектор такого пути – распад государства, особенно, если этнический патриотизм пытаются использовать внутри страны. Сегодня этнический патриотизм-национализм для народов России – исторически пройденный этап, и не следует обществу идти вспять по оси времени. Но такой патриотизм не может исчезнуть вовсе, он составляет важную часть позитивной личностной картины мира, переживается психологически – и в этом качестве совершенно уместен.

С конца XX века в России актуализировался религиозный фактор, что тут же поспешили назвать «религиозным ренессансом». Однако это, скорее, попытка заполнить идеологический вакуум, возникший после краха СССР – ведь «свято место пусто не бывает». Но если советская идеология была объединяющим для всей страны фактором, то религиозная таковой быть не может, ибо России является поликонфессиональным государством. Христианство, ислам, иудаизм, буддизм распространены среди многонационального населения страны традиционно, и ни одна религия не может претендовать на монополию. В новой мировой реальности наиболее активизировался ислам – привело это к чему-нибудь хорошему? Не стоит рассчитывать и на позитивный результат самоутверждения Русской православной церкви в качестве ведущей идеологической силы в Российской Федерации. И введение в школьную программу нового предмета «Основы православной культуры» сегодня – *несовременно*, ибо изучать следует **отечественную культуру**, а не ее идеологизированную в конфессиональном смысле часть.

Наконец, пора вспомнить, что Российская Федерация – светское государство, церковь в ней отделена от государства, а школа – от церкви, как и положено в демократическом обществе. Не стоит в пользу какой-либо религии ревизовать содержание Конституции, содержащей принцип свободы совести, косвенно объявляя приверженцев какой-либо одной религии «самыми равными» в России, а атеистов вообще «исключать» из числа полноправных граждан.

Но, может, обратиться к светской идеологии, на основе которой и выстроить здание современного российского патриотизма? Лозунгом государственного патриотизма в царской России была триада «Православие, самодержавие, народность» и ее синоним – «За веру, царя и Отечество!». К началу XX века эти идеологические основы российского патриотизма изжили себя. Огромное значение идеологическому обеспечению всей жизни страны придавали большевики, и принцип пролетарского интернационализма, вопреки поверхностному мнению, вовсе не отрицал патриотизма – необходимости защиты и укрепления своего социалистического Отечества. Однако весьма показательно, что война с немецким фашизмом для нашей страны стала Великой Отечественной войной, и в самые страшные для Родины дни на подкрепление идеологического патриотизма был призван патриотизм всей русской и российской истории. Имена «классово чуждых» патриотов Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова были присвоены высшим военным орденам СССР, дополнив ряд наград, которые несли преимущественно идеологическую нагрузку – ордена Красного Знамени, Ленина, Красной Звезды. И синтез патриотизма политико-идеологического и российского исторического был так органичен и крепок, что отдельные попытки разорвать его оканчивались полным провалом – достаточно вспомнить опыт так называемой Российской освободительной армии генерала-предателя Власова.

Конституция РФ отвергает какую-либо одну идеологию в качестве общегосударственной. И нелепо переносить сегодняшнюю политическую гегемонию партии «Единая Россия» на сферу идеологии. Так есть ли в современной России такой патриотизм, который бы объединял большинство ее граждан – людей разных национальностей, разного социального положения, разных вероисповеданий и атеистов, приверженцев различной идеологии? Думаю, что такой патриотизм – это патриотизм **социокультурный**, основанный на исторически

сложившейся в нашей стране особой *российской цивилизации*. Эта цивилизация сложилась в ходе длительного культурного взаимодействия трех крупных этнических групп – славянских, угро-финских и тюркских народов – и органически соединила в себе их традиции, менталитет, мировосприятие, даже языки. Русский язык – не просто национальный язык одного народа, но средство общероссийской коммуникации. В рамках этой цивилизации сложилось общее многонациональное государство с державным (на котором, как на матице в избе, держится все здание) русским народом. Наша цивилизация так же уникальна, как любая другая, и так же способна к культурному обмену с другими, но полностью уподобиться какой-либо иной цивилизации без собственной гибели не может. Отказаться от нее – значит отказаться от самих себя, своего языка, от своего *самостояния* в мире, превратиться в кого-то другого. В любой другой цивилизации русские-россияне в целом могут претендовать лишь на обочину, быть только «пристязными», а роль «коренников», естественно, принадлежит ее создателям. Стоит ли нам стремиться к этому?

Быть патриотом в РФ сегодня – значит, сохранять социокультурную идентичность многонациональной страны; оставаясь русским, татарин, чувашем, якутом и др. – одновременно быть представителем гражданской общности – россиянином. В России у нас один статус – *свой*.

ЛАБРИОЛА И ПЛЕХАНОВ. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПУТИ ДВУХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ МАРКСИЗМА: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ

Э. Джанни, Генуя

Уважаемые коллеги, прежде всего, прошу попросить прощения в связи с тем, что вам придется слушать моё выступление не на вашем языке; во-вторых, хочу также поблагодарить организаторов этого мероприятия за то, что предоставили моему Институту возможность для краткого доклада на вашей важной встрече в связи с годовщиной со дня рождения Г. В. Плеханова. Я, Эмилио Джанни, выступаю от имени Института Изучения Капитализма из Генуи, Италия.

Для итальянского исследователя рабочего движения говорить о Г.В.Плеханове почти автоматически означает вновь связывать мысли и действия русского мыслителя с его итальянским «коллегой» А.Лабриолой. Путь, личная и политическая параболы Плеханова и Лабриолы действительно демонстрируют очевидные различия и отдельные аналогии.

Не считая разницы в возрасте и социальном происхождении (первый родился в 1856 году в мелкопоместной дворянской семье, второй – в 1843 году, в семье скромного учителя средней школы), отличается и их начальный путь. Плеханов изначально был занят политической деятельностью в среде русских демократов, почти 40 лет находился в вынужденной эмиграции, где посвятил себя исключительно публицистике и политической жизни, ему ещё не было 30 лет, когда он в начале 80-х годов сделал сознательный выбор в пользу марксизма; Лабриола долгое время совмещал умеренные позиции с философскими исследованиями, дабы потом начать академическую карьеру, которой он посвятил всю жизнь, и только на рубеже 80-90-х годов, когда ему уже было больше 45 лет он пришёл к материализму и стал сторонником социализма. Однако им обоим принадлежит роль первопроходцев марксизма в соответствующих

странах. Но черта, которая ещё больше их объединяет, - это то, что им довелось стать его пионерами в странах отстающего капиталистического развития, где рабочий и социалистический вопрос совмещался с ещё нерешёнными проблемами буржуазно-демократического характера. И эта роль знаменосцев марксизма в своих странах отмечена некоторым сходством и глубокими различиями.

Объединяет Плеханова и Лабриолу высокий уровень их материалистической концепции истории. Этот факт, который делает их теоретиками мирового уровня, чьи труды читаются и изучаются за пределами соответствующих стран. Начиная с «Анархизма и социализма», написанного в 1894 г., полностью переведённого и опубликованного в Италии через год, Плеханов, который будет иметь возможность также и побывать в нашей стране, станет для итальянского рабочего движения одним из наиболее переводимых и читаемых авторов. Тогда и в последствии русский мыслитель, поддерживавший с Лабриолой довольно продолжительную и полезную переписку, сообщает своим читателям о трудах итальянского марксиста и тем самым способствует их распространению. «Очерки о материалистическом понимании истории», написанные Лабриолой в 1895 г., покорили ещё девятнадцатилетнего Троцкого (как он признает это в последствии в своей автобиографии); два года спустя, Плеханов пишет рецензию на них для «Нового слова» и называет «выдающейся» и не «пустой» книгой. Определённое сходство Плеханова и Лабриолы, продемонстрированное в теоретическом плане, тем не менее, не имеет аналогичных пересечений в политике. В то время как Плеханов активно участвует в политической борьбе, являясь одним из лидеров русской социал-демократии, Лабриола первоначально практически отказывается от этой деятельности и этой роли, замыкаясь лишь на задачах марксистского философа. Активная политическая деятельность в рядах меньшевиков одного и исключительная роль критика реформистских перегибов, появляющихся в итальянском социализме, другого, как бы то ни было, являлись предзнаменованиями того, что объединяло и отличало их восприятие марксизма. Это чётко проявится в конце их политической жизни. Оправдание первой мировой империалистической войны Плехановым и позиции, которых придерживался поздний Лабриола, поддержавший итальянскую колониальную политику, являются продуктом интерпретации материализма больше в объективистско-детерминистском, чем диалектическом ключе. Это урезание марксизма, можно сказать, подчеркнуло склонность как Плеханова, так и Лабриолы

рассматривать смену различных исторических фаз скорее как эволюционный, нежели чем скачкообразный процесс; если к этому добавить одинаковый глубинный скептицизм по отношению к рабочему классу своих стран (который рассматривался как ещё не готовый к реализации социалистических задач), становится понятнее, как их мысль повернулась больше к схолистически-эволюционистскому, чем к диалектико-революционному видению кризисных и переломных моментов мирового империалистического порядка. Совсем иначе разрешил эту проблему Ленин. Весь его научный труд направлен на определение контуров интернациональной стратегии, не только русской, пролетарской революции. Это - пример непревзойдённого использования диалектического метода, который является ключом, позволяющим вскрыть конкретное и противоречивое реальное движение. Это значит, знать и определять моменты его раскола, разлома, «слабое звено» в цепи и демонстрировать решимость ухватиться за него. Это стало одним из важнейших его уроков, а не только примером политического мастерства. Множество очерков оставлено им на данную тему на протяжении всей его политической жизни. А в своём последнем сражении против единодушного хора критиков из числа «реформистских филистеров» и «филистеров революционных» или заинтересованных благожелателей из среды сменовеховцев Ленин, по нашему мнению, написал в эпоху НЭПа одни из лучших страниц исторического и диалектического материализма, которые не смогло стереть даже последующее поражение русского «штурма небес». Спасибо за внимание.

«...необходим громкий уверенный голос, который звучал бы решительно и бодро...»

(Ф.И Дан, Г.В. Плеханов и журнал "Голос социал-демократа")

Хартмут Рюдигер Петер, Галле

Федор Ильич Дан (настоящая фамилия Гурвич) умер 21 января 1947 г. в Нью-Йорке лидером «раскольнической» группы меньшевиков. В конце 1930-х гг. последовательное продолжение "двуединой тактики" Мартова – резкая критика коммунистических методов власти при защите коренных революционных преобразований – изолировало его внутри партии и вынудило отойти от партийной работы. Григорий Аронсон, один из его соратников и критиков, пять месяцев спустя после кончины Дана, вынес уничижительный приговор делу его жизни в "Социалистическом вестнике": "Фактический разрыв с меньшевизмом вел к растущей симпатии к большевизму; от прокоммунистической симпатии недалеко было до духовной капитуляции, а от капитулянтства для кое-кого открывалась прямая дорога к неприкрытому ренегатству". Имя Дана было словно вычеркнуто из истории меньшевизма: Еще 20 лет спустя предложение включить принадлежащие его перу работы в однотомник „Избранные статьи „Социалистического вестника“ было встречено отказом, несмотря на то, что он руководил журналом 16 лет. И сегодня его деятельность, как и обширное

публицистическое наследие, привлекают мало внимания в России.

В среде европейской социал-демократии Дан, напротив, вплоть до послевоенного времени пользовался большим уважением. Среди его политических и личных друзей были Фридрих Адлер, Леон Блюм, Отто Лейхтер и Пьетро Ненни. Адлер писал ему по поводу его 75-летия: „Мы оба принадлежим сегодня к неуклонно уменьшающемуся кругу «стариков», на долю которых выпало большое счастье на всю жизнь сохранить твердую веру в победу социализма времен его самого обнадеживающего взлета. Сознание этого, при всех наших разногласиях относительно пути и возможностей на разных этапах развития, неизменно давало нам чувство причастности." В соответствии с логикой сложившейся ситуации, систематическая работа над биографией Дана началась за пределами России. Издание Борисом Сапиром его переписки, хранящейся в фондах Международного Архива Социальной Истории в Амстердаме, стимулировало дальнейшие исследования, которые отразили его место в международном социалистическом движении. Публикация писем Дана к Вере Засулич (архив Дома Плеханова) выявила его глубокие русские корни. А биографическое исследование Светланы Жебрак, посвященное Лидии Цедербаум-Дан, высветило более четкие контуры Федора Дана-человека. Представляемые в докладе письма к Георгию Валентиновичу Плеханову относятся к той же бурной эпохе русского революционного движения, что и переписка с Засулич. Они составят еще один блок информации, необходимой для более полного исследования жизни и творчества видного русского марксиста Г.В.Плеханова. В то же время они должны способствовать переосмыслению роли его ученика и критика Дана в истории русской социал-демократии. Ибо именно при сравнении с Плехановым в лице Дана проявляются контуры нового типа партийного лидера, который – исходя из опыта революции 1905-1907 гг. – стремился придать меньшевизму более современный профиль.

В годы первой эмиграции 1901-02 гг. Дан примыкал к берлинской группе "Искры". Сотрудничество в описании рукописей Маркса по теории прибавочной стоимости положило начало его знакомству с Карлом Каутским и углубило его теоретические познания, а установленные при этом тесные связи с немецкой и австрийской социал-демократией сформировали его понимание современной партийной работы. В 1902 г. Дан как эмиссар "Искры" был вновь арестован. После побега из ссылки он снова оказывается в изгнании, и в 1903 г. по настоянию Мартова Дана кооптируют в меньшевистскую редакцию "Искры", что повлекло за собой тесное сотрудничество с Г.В.Плехановым. В эти годы Дан проявил себя опытным организатором. В его присутствии заседания редакции, по описанию Лидии Дан, отличались большой деловитостью и были короче обычного. Таким образом, еще до Революции 1905 г. у него выкристаллизовались характерные черты редкого в меньшевистской среде типа профессионального революционера: целеустремленный и „способный переходить от теоретических заключений к делу“, он обладал „деловитостью и упорством, которые позволяли ему осуществлять поставленные партией стратегические цели.“

Нацеленная на политический успех тактическая гибкость Дана отличалась от абстрактной учености большинства представителей старого поколения руководства меньшевизма. Их зачастую далекая от реальности принципиальность в теоретических дискуссиях в

соединении с тщеславием и личными амбициями нередко парализовали РСДРП в решающие политические моменты. Дан, напротив, не был фракционным борцом, руководствовавшимся корыстолюбивыми интересами. „Он так и не смирился с разделом партии“, как справедливо отмечает женеvский историк Андре Либиx. Он старался, с одной стороны, примирять противоборствующие силы социал-демократии, а с другой – заботиться о ее тесной связи с рабочими. В этом ему сопутствовали не только признание, но и скептическое отношение со стороны партийной интеллигенции. Так, Троцкий жаловался Мартову, что Дан упрекнул его переоценке роли интеллектуалов в партии. «У меньшинства есть свой маленький Ленин», предостерегал он. В послереволюционные годы такие критики Дана, как Семен Португейс и Александр Потресов, истолковывали его "канонизацию" Мартова как теоретическую слабость и неспособность к идеологическому руководству. Однако это лишь отражает уровень саморефлексии Дана как политика и его готовность предоставить поле теоретического руководства тем, кого он считал более способными. И - как показывает самый беглый взгляд на работы Ленина - не как идеолога, а именно как политического противника Дана вполне всерьез принимали большевики.

Личной трагедией Дана стало то, что он как на позднем этапе царизма, так и в революционной России не нашел подходящую сцену для своего политического таланта – парламент. Лишь непродолжительное время в 1905-07 и 1917 гг. удалось ему проявить свою способность. На Стокгольмском съезде РСДРП в апреле 1906 г. он, в соавторстве с Плехановым и Аксельродом, предложил меньшевистскую резолюцию о Думе. Несмотря на то, что – как и Макс Вебер несколько месяцев спустя, - четко обозначил ее границы как „мнимоконституционное учреждение“, он признавал ее значение для политической работы социал-демократии. Дан сыграл важную роль в кампании меньшевиков по выборам во Вторую Думу и за ее кулисами возглавил работу ее социал-демократической фракции. После роспуска Думы и во время процессов над депутатами социал-демократами летом 1907 г. он был объявлен в полицейский розыск и был вынужден бежать в Финляндию. Брат Мартова, Сергей Цедербаум-Ежов, сообщал о последствиях: “Скверно, что Ф.И. [Дан] совсем забросил партийные дела и потому наши там действуют без руля и без ветрил”. В 1917 году Дан играл центральную роль в Петроградском совете, а в начале 1918 года – в непродолжительном Учредительном Собрании, пока однопартийная система большевиков не лишила его возможности легальной политической работы.

НАУЧНЫЙ ВКЛАД ПОСТСОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА В РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

А.В.Бузалин, А.И.Колганов, Москва

Диалектика социального развития

1. На основе критического диалога с современной постмодернистской парадигмой развит ряд аспектов диалектического метода (в частности, соотношение диалектики и диалогической логики); показана актуальность именно диалектического (акцентирующего противоречия, историзм, наличие качественных переходов, различение содержания и форм, в том числе, превращенных, необходимость сложного, основанного на восхождении от

абстрактного к конкретному, системного подхода) для исследования современных социальных процессов и социально-исторических закономерностей.

2. Развивая традиции гуманистической философии истории (в том числе советского марксизма 60-70-х гг.) дана критика сталинских упрощений диалектико-материалистического подхода к истории («пятичленка», сведение критериев прогресса к развитию производительных сил и т.п., игнорирование обратных связей во взаимодействии производительных сил и производственных отношений, материального и духовного производства и т.п.). Показано, что приписываемое исключительно цивилизационному подходу внимание к социо-культурным факторам в полной мере характерно и для творческого марксизма.

3. На основе анализа пределов «экономической общественной формации» показано, что основным для этой эпохи является противоречие между отчуждением человека и его социально-творческой активностью. На основе критического анализа опыта преобразовательных действий XX века раскрыты потенциал, противоречия и пределы социального активизма, а так же диалектика активизма «прогрессоров» и «реакционеров».

Показано, что социально-пассивное поведение и конформизм, тормозя историческое развитие, оказываются ответственны за социальный регресс и связанные с этим человеческие, культурные и т.п. разрушения..

4. Раскрыты причины и природа «реверсивного» хода истории и вызываемые им модификации экономических систем. Этот вывод, также сделанный на основе исследования постсоветских трансформаций, получил подтверждение на более широком историческом материале. На базе исследования трансформаций экономических систем показано, что *трансформационные процессы исторически доминируют*, а переходные отношения имеют существенную специфику (которая систематизирована и раскрыта через исследование постсоветских и постиндустриальных трансформаций) по сравнению со стабильными системами.

5. Опираясь на предшествующие исследования творческой деятельности вообще, раскрыта роль и начато исследование природы, субъектов, механизмов и противоречий социального творчества, в том числе в контексте активного формирования историческими субъектами новых социально-экономических отношений.

6. Систематизированы «белые пятна» *классического марксизма* и пути решения связанных с этим проблем; раскрыты основные направления диалога марксизма и других направлений экономической мысли. Показана *ограниченная объясняющая способность неоклассической экономической теории* по отношению к новейшим тенденциям современного капитализма.

Глобальные постиндустриальные трансформации

7. Развернута система категорий и противоречий, а так же теоретически определены исторические пределы *экономической общественной формации* («царства необходимости») как *целостной общественной системы*, включающей ряд этапов своей эволюции (они были исследованы классическим и советским марксизмом).

8. Исследован характер назревающего *качественного скачка в развитии общества* как двойного перехода: (1) от общественной экономической формации к постэкономической (от «царства необходимости» к «царству свободы») и (2) от капиталистической системы к социалистической (коммунистической); показана диалектика взаимосвязи этих процессов. На базе новых методологических разработок и анализа исторических условий конца XX – начала XXI в. сделан вывод о *нелинейности этих переходов*.

9. Дана *марксистская интерпретация* сущности и основных черт *постиндустриальных тенденций* («информационного общества» и т.д.). Показана *связь постиндустриальных тенденций с глобализацией капитала*, и связанные с этим *противоречия*. С одной стороны, эти противоречия вызывают развитие новых видов, содержания, форм деятельности и технологий; с другой стороны, господствующая ныне форма глобального капитала направляет этот прогресс на развитие преимущественно превратных форм (опережающее развитие финансовой спекуляции, милитаризма, масс-культуры и т.п.).

10. Проведено доказательство *ограничительного характера частной собственности в сфере производства знаний* и адекватности всеобщей собственности на знания. Обоснован и раскрыт тезис об *обратно-пропорциональной зависимости между мерой развития творческого содержания деятельности и ее коммерциализации*.

Социально-философские аспекты эволюции капиталистической системы

11. Показана специфика современного глобального капиталистического рынка как *тотального сетевого рынка*, раскрыты его противоречия и формы. Дана марксистская интерпретация феномена, называемого «рыночной властью», как нового типа сознательного локального регулирования экономики. Показаны противоречия разложения стоимости по мере развития всеобщего труда.

12. Показано, как эволюция капиталистической денежной системы приводит к развитию «виртуальных» денег как денежной формы движения глобального финансового капитала. На этой основе показана закономерность отрыва финансового сектора от реального.

13. Раскрыты механизмы, противоречия и границы подчинения капиталу творческой деятельности и личности творческого работника в целом, осуществляющегося через создание механизмов *подчинения капиталу воспроизводства человека во всей его целостности* (не только в качестве рабочей силы), в т.ч. в свободное время.

14. Дана системная *марксистская интерпретация глобализации*, не только как новой стадии интернационализации, рынка, производства и капитала, но и как системы отношений тотальной гегемонии рынка и капитала, перенос противоречий позднего капитализма и экономической формации в целом на мировой уровень. Показаны содержание и формы этих противоречий. Показаны социально-экономические основы возникновения, противоречия и перспективы формирования глобальной «протоимперии» и ее альтернатив. Начата разработка теории альтерглобализма.

15. Проанализированы с марксистских позиций характерные для этапа перехода к глобальной постиндустриальной системе процессы *разложения традиционной классовой структуры* капиталистического общества и формирования новых социальных групп; раскрыты экономические основания «диффузной» социальной структуры, природа и противоречия интересов новых социальных групп; новое социальное противоречие конформистов и субъектов социального творчества («прогрессоров»).

16. Показаны содержательные противоречия и превращенные формы массового *политико-идеологического производства* и показана обратно пропорциональная связь развития механизмов политико-идеологического манипулирования и демократии.

Социализм

17. Систематизированы основные различия и единство в трактовке природы «*реального социализма*», проанализирована его историческая специфика и внутренние противоречия, раскрыты объективные причины его возникновения и кризиса. Показано, в силу каких причин распад «реального социализма» не может служить доказательством неправомерности поиска объективно возможных и необходимых новых социальных альтернатив капиталистической системе и экономической общественной формации в целом.

18. Обоснована *интерпретация социализма как нелинейного* (в историческом пространстве и времени) *процесса перехода от «царства необходимости» к «царству свободы»* и от капиталистической системы к посткапиталистической. Показаны противоречия и границы этого процесса.

19. На основе критического обобщения опыта «реального социализма» и анализа посткапиталистических отношений в современном мире («экономика солидарности», НСД, НПО и др.) выдвинуты и обоснованы теоретические модели таких альтернатив. В частности, раскрыты возможные модели демократического сетевого сознательного регулирования экономики и общества, а так же основа «*реального освобождения труда*» через формирование (а) свободной и (б) творческой деятельности; исследованы противоречия «формального» и «реального» освобождения труда, проанализированы существующие тенденции в этом направлении; обобщен опыт и развита теория базисной демократии и «демократии участия», развития открытых общедоступных систем знаний и образования и т. д.

Постсоветское общество

20. Переходные процессы в постсоветских обществах раскрыты как *противоречивое сочетание*, с одной стороны, *объективно необходимого демонтажа бюрократического централизма* и, с другой – *исторически специфических форм реверсивного исторического процесса становления капиталистических систем в архаичных формах*.

21. Специфика трансформационных обществ постсоветского типа выведена из анализа противоречивого сочетания двух параметров – распада «реального социализма» и глобального контекста этого процесса. Факторами, значительно модифицирующими эти процессы стали политические, культурные и другие отношения, специфицирующие постсоветский социум. Доказано, что использование в этих условиях модели «шоковой терапии» с неизбежностью должно было привести и привело к (1)

глубокому экономическому, социальному и культурному кризису, а так же (2) существенной деформации самих неолиберальных моделей.

22. Показано, что *становление капитализма в его архаичных формах* («дикого» капитализма в сочетании с добуржуазными формами) может выступать как кратковременный промежуточный этап, *а может принимать застойный характер*, в зависимости от степени освоения свойственной развитой капиталистической системе тенденции к социализации и гуманизации производства (каковая, в своеобразных формах, проявлялась даже в системе советского типа).

23. Проанализирована *неспособность капитализма создать эффективные механизмы воспроизводства капитала в обществе с глубоко укоренившимися некапиталистическими архетипами* и в тоже время невозможность разрушения этих архетипов без неприемлемо глубокой деградации экономики и общества. Раскрыты своеобразные, деформированные механизмы функционирования трансформационного общества в этих условиях.

24. На базе современной марксистской методологии разработана стратегия опережающего развития для российского общества.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ Г.В.ПЛЕХАНОВА И В.И.ЛЕНИНА И ЭВОЛЮЦИЯ КАПИТАЛИЗМА

В. В.Быков, М.Б.Конашев, Санкт-Петербург

Обычно расхождение между Г.В.Плехановым и В.И.Лениным трактуется как разное понимание революции 1917 г. Теоретический спор шел о: 1) степени и характере развития капитализма в России, 2) вытекающем из этого развития соотношении социальных сил и характере революции, 3) роли партии в революции.

Крах СССР как будто подтвердил правильность точки зрения Г.В.Плеханова и поставил задачу доразвития капитализма в современной России. Но возникает проблема, воспроизводящая в новой форме проблему 1917 г.: капитализм снова, не успевая достичь развитой стадии, необходимой для социалистической революции, может привести страну к *катастрофе*.

В 1917 г. В.И.Ленин настаивал на том, что *нет времени ждать доразвития капитализма и спасение только в революции*, и оказался прав. Теперь та же ситуация.

Причина кризиса 1917 г. (и современного) в *глобальном характере капитализма*. Противоречие капитала решалось и решается за счет *экспансии* капитала, то есть его выхода за *пределы* той системы, в которой противоречие неразрешимо, в том числе за счет колоний и т.п. Тем самым противоречие выносится вовне и концентрируется на границе, в *переходной* зоне между капиталистической «метрополией» и «периферией». Капитал *вдвойне* эксплуатирует (прямо и косвенно) страны периферии. Но этим же «метрополией» экспортирует и *революцию*. Этот вывод подтверждается опытом XX в.: все успешные революции произошли в таких переходных странах.

Но именно потому, что эти революции происходили в *переходных* странах, то есть в странах с недоразвитым капитализмом, так велика была и вероятность его реставрации, доразвития, а также *дозавершения* и *доисчерпания* в этих странах.

Таким образом, капитализм в XX в. находит разрешение своего противоречия, сбрасывая это противоречие в периферию, но одновременно и обостряя его, создавая предпосылки революции, но не в центре, а на окраине, в слабом звене. Затем он вторично спасает себя за счет экспансии «вверх» (НТР) и ре-экспансии на

периферию, в СССР и Китай, довершая формирование *мирового капитала*.

Создание мирового капитала и его гегемония означает, однако, достижение им предела как пространственной экспансии (нет уже свободных для нее территорий), так и «вертикальной» экспансии (наука нуждается в *свободном творчестве*, а капитал нуждается в подчинении себе этого творчества). В результате вновь образуется замкнутая, дошедшая до своего предела система капиталистических противоречий, требующих разрешения. Поэтому *объективно* революция как результат как будто успешных разрешений капиталистических противоречий в XX в. оказывается опять в повестке дня.

Главное своеобразие этой революции в том, что она воспроизводит основные особенности революции 1917 г. Если следовать традиции (и логике) Г.В.Плеханова, мировой капитал в целом должен достичь своего максимума, дозреть до предельного *объективного противоречия*, до антиномии. Но, согласно подходу В.И.Ленина, это противоречие снова созреет и проявит себя в *наиболее слабом звене* мирового капитала, а разрешение этого противоречия произойдет в ходе мировой революции, которая, начавшись со слабого звена, охватит весь мир и займет целую эпоху. *Новый* рабочий класс в этой революции вступает в *союз* со всеми угнетенными и эксплуатируемыми социальными слоями и странами, а *перелом* наступит, когда мировая революция победит в основной для мирового капитала группе стран, в «центре центров».

Таким образом, в ретроспективе (и в перспективе) оба подхода, Г.В.Плеханова и В.И.Ленина, дополняют друг друга, и, каждый, выражая отдельный момент, особенность развития капитализма в прошлом и в настоящем, в целом, в синтезе дают более полную и точную картину эволюции капитализма и его снятия через революцию.

Г.В.ПЛЕХАНОВ ОБ ОСОБОЙ РОЛИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ В ДВИЖЕНИИ ПО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПЕРЕУСТРОЙСТВУ ОБЩЕСТВА

Т. И. Филимонова (Санкт-Петербург)

В докладе поставлен ряд вопросов, связанных с развитием идей Г.В.Плеханова об особой роли пролетарской партии в движении по социалистическому переустройству общества.

1) Сущность исторического процесса Г.В.Плеханов определял как процесс становления общественного человека, который включает в себя **социализацию** (освоение социального опыта и знаний, делающих индивида способным жить и действовать в данном обществе); **индивидуализацию** - формирование качеств, отличающих одного человека от другого, и **становление личности**, обладающей собственным духовным миром, способным отобразить окружающий его мир и сознанием, определяющим поведение людей. Категория личности характеризует человека как сознательного и несущего ответственность за свои действия субъекта деятельности, со своим духовным миром и самосознанием, способного к самооценке и общению с другими. Становление личности происходит в исторически конкретной системе социальных отношений и связанном с ними мире культуры. От остальных членов сообщества человека отличает его духовная жизнь и его духовный мир, поэтому если люди живут в разных духовных мирах, хотя и в одних и тех же условиях, поступают они совершенно по-разному, т.е., духовный мир связан с общественным окружением человека. Выявление и понимание этой связи, писал Плеханов, имеет практическое значение, поскольку именно духовный мир рождает приоритеты человека и его активность. Плеханов-философ и политик ставит вопрос о постепенном создании - **сознательном конструировании** - достойного человека общества, способном влиять на человека, менять в опреде-

ленном направлении его духовный мир, воздействовать на него, выстраивая определенную систему приоритетов.

2) Рассматривая деятельность политических партий и объединений, представляющих интересы разделенных на классы общественных групп и слоев, Плеханов говорит о том, что только пролетарская партия **продающего свой труд большинства** членов общества способна выработать программу и возглавить борьбу этого большинства (пролетариата), направленную на изменение экономических отношений людей - ликвидацию экономического неравенства. Осуществление такой цели является стратегической задачей революционной партии, ибо реформы, проводимые правящим - осуществляющим свое господство - классом, не ставят перед собой задачи **изменения** экономических отношений в обществе.

3) Устранение капиталистических отношений Плеханов определяет как социальную революцию, подготовка к которой будет представлять собой длительный **процесс социального воспитания общества**, под которым понимается планомерное создание материальных, организационных и духовных условий для целенаправленного развития человека. Политическая борьба является единственным средством устранения отношений, в основе которых лежит борьба между личностями за существование, создает определенные условия и возможности для овладения человеком необходимыми в рамках данного общества ценностями: знаниями, убеждениями, нормами, отношениями, образцами поведения... Эти же ценности лежат в основе личности, обладающей самосознанием, способностью к самоопределению и самореализации.

4) Критики Плеханова заявляли о том, что классовая диктатура принадлежит к более низкой культуре, что переход общества к социалистическому переустройству должен, если он вообще необходим, непременно совершиться с помощью современных методов пропаганды и реформаторской деятельности. Не отрицая значимости парламентской деятельности, Плеханов утверждал, что в обществе, где существуют классы, неизбежна классовая борьба. Там, где есть классовая борьба, необходимо и естественно стремление каждого из борющихся классов к полной победе над своим противником и к полному над ним господству. Ценности, к завоеванию которых стремится пролетариат, отвечают нравственному критерию каждого человека, не стремящегося превратить себе подобного в объект эксплуатации.

5) Сегодня в мире столкнулись и противостоят друг другу два полярных мировоззрения: эгоизм «избранных» мира сего, основанный на стремлении к господству и неограниченному потреблению ограниченных ресурсов, и коллективизм, базирующийся на стремлении к разумным общественным отношениям, учитывающем ограниченные ресурсы и интересы будущих поколений. Ясность в отношении целей и проблем, понимание необходимости социалистического переустройства мира имеет величайшее значение в наше переходное время. От того, кто в этом противостоянии победит, зависит дальнейшая судьба человечества.

ВЫСШАЯ БЮРОКРАТИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА НАЧАЛА XX ВЕКА: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

И.Т.Шатохин (Белгород)

Основные законы 1906 г. и начало работы I Государственной думы изменили государственный строй России. Одновременно это стало и отправной точкой в формировании нового взаимоотношения общества и власти. Важнейшим фактором, способствовавшим становлению позитивного характера таких отношений, на наш взгляд, является конструктивное взаимодействие высшей бюрократии и парламента, так как даже современные более политически развитые общества государств постсоветского пространства порой будоражатся всплесками жестких противостояний правительств и парламентов.

Как показывает исторический опыт, выстраивание конструктивного сотрудничества в системе «высшая бюрократия - парламент» в равной мере зависит от обеих сторон. Пример I Государственной Думы показывает, что и правительство и Дума не были настроены на совместную работу. Это было обусловлено общей политической обстановкой в стране, а также антагонистическими целями контрагентов. В условиях продолжавшейся революции ни одна из сторон не могла пойти на компромисс, сохранив лицо. Поэтому неудивительно, что правительство И.Л.Горемыкина, как в насмешку над народными избранниками, предложила для обсуждения первым законопроектом об отпуске средств для устройства прачечных и оранжерей при Юрьевском университете. Назначение И.Л.Горемыкина на должность премьер-министра тоже, вероятно, было не случайным. И хотя Николай II прямо не подтвердил, но догадка В.Н.Коковцева не лишена оснований. Такие известные всему обществу качества нового премьер-министра, как «величайшее безразличие», «отсутствие гибкости», «явное нежелание сблизиться с представителями новых элементов а нашей государственной жизни», не могли не вызвать еще большего ожесточения в Думе, и этого не мог не предполагать император.

С другой стороны, подавляющая часть депутатов первого созыва пришла в Думу для продолжения революции, поэтому строила свою тактику на постоянном давлении на правительство, максимально используя думскую трибуну для агитации. Естественным результатом такого противостояния стал роспуск Думы и создание нового правительства.

Однако не все члены кабинета И.Л.Горемыкина разделяли его точку зрения на безоговорочную конфронтацию с Думой. Уже в начале июня 1906 г. министры А.П.Извольский и П.М. фон Кауфман высказались за поиск компромисса с работоспособным, по их мнению, ядром парламента через формирование правительства из лиц, которым бы доверяли кадеты. П.А.Столыпин в последние дни I Думы вел переговоры о создании «коалиционного» правительства, в которое намеревался включить А.П.Извольского, октябристов и кадетов.

История II Думы демонстрирует пример того, как незаинтересованный в успехе общего дела парламент разрушает усилия готового к совместной работе правительства. При проведении выборов во II Думу правительство для формирования удобного ему состава депутатов попыталось использовать «административный ресурс». Однако грубое вмешательство полиции в проведение избирательной кампании дало обратный эффект: новая Дума оказалась более левой. Другой стороной подготовки правительства П.А.Столыпина к взаимодействию с Думой стала подготовка внушительного пакета законопроектов - 287. Его

программное выступление в Думе ясно давало понять и депутатам и обществу, что правительство не только признает Думу необходимым институтом, но и готово к сотрудничеству. Таким образом, высшая бюрократия твердо встала на путь парламентаризма. Столыпин готовил и запасной вариант: не позднее осени 1906 г. началась разработка нового избирательного закона, который и был введен 3 июня 1907 г.

III Дума, в т.ч. благодаря «административному ресурсу», оказалась в состоянии работать совместно с правительством. Однако только этим вклад правительства в создание новой атмосферы в системе «высшая бюрократия - парламент» не ограничивается. П.А.Столыпину и значительной части его кабинета удалось найти в себе силы на формирование такого стиля поведения, опиравшегося на внутреннюю убежденность, который позволял достаточно успешно решать с парламентом сложные проблемы социально-экономического развития страны, однако рецидивы умаления роли Думы и Государственного совета случались.

ПЛЕХАНОВСКИЙ МАРКСИЗМ И ЛЕНИНСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Савас Михаил-Матсас, Афины

Переход в историческом контексте представляет собой диалектические процессы взаимопроникновения и взаимной трансформации противоположных сторон действующих общественных и экономических сил. Нашему времени свойственна эпоха исторического перехода, связанная с периодом кризиса и заката мирового капитализма, который одновременно вместе с тем проходит период глобализации со свойственными ему противоречиями. В наше время как никогда важным является понимание принципов исторической диалектики, в том числе и в контексте развития рабочего движения.

Мы живем в мире, разрывающем на части собственными противоречиями, вызванными к жизни логикой его общественной и экономической эволюции. Наш мир находится в состоянии постоянного перехода. К.Маркс и Ф.Энгельс, в частности, в «Записках по эпикурейской философии», «Капитале» и других работах, раскрыли суть диалектики общественного развития в целом, и переходного периода в частности.

Современный мир достиг точки, когда в силу развития внутренних противоречий происходит количественный скачок, или резкие изменения в динамике развития общественно-экономических процессов в мире, что неминуемо должно привести к качественной трансформации мирового развития. В этой связи следует указать на противоречия, присущие эпохе современного «глобализирующегося» мира. Современный капитализм в своей эволюции достиг такой точки развития, когда он уже не может разрешить накопившиеся противоречия исключительно мирным путем. Отсюда тенденции усиления военной экономики, тенденции к военной экспансии, которые в частности проявляются через ведение войн против некоторых стран «третьего мира»: «перманентная война с террором», «война цивилизаций» и т.д. Военные действия в Ираке и Афганистане – примеры таких войн.

Современный капитализм переживает обострение внутренних экономических и социальных противоречий, симптомы которых проявляются в усилении глобальных финансовых спекулятивных операций, в росте безработицы, маргинализации все более широких слоев населения, прежде всего молодежи, стагнации и снижении реальных доходов наемных работников, наступлении на профсоюзные и политические права и свободы. Отсюда – рост экономической и финансовой нестабильности мировой системы капитализма. Отсюда же – рост социальной напряженности, который проявляется в многочисленных спонтанных и организованных акциях – от молодежных бунтов парижских окраин и протестов против «закона о первом найме» во Франции, до всеобщих забастовок и других протестных акций в Греции, Италии и других странах Запада.

Таким образом, тенденция к усилению конфронтации во всех формах и сферах жизни является неотъемлемой чертой современного периода развития капитализма.

Одним из основных противоречий капитализма является его стремление, с одной стороны, к универсальности, «всеобщности», которые он распространяет на весь мир через собственную экономическую экспансию, а с другой стороны, к сохранению старой тенденции национальной замкнутости, проявляющейся иногда в экономическом изоляционизме, в частности в попытках закрыть национальные рынки от притока зарубежных товаров, рабочей силы и капитала. Капитализм с одной стороны преодолевает национальную и государственную замкнутость, а с другой стороны, создает барьеры на пути такого преодоления.

В докладе рассматривается и диалектика развития так называемых «переходных стран», в частности России и Китая. Известно, что исторической и социально-экономической природе СССР посвящено множество трудов. В докладе дана авторская интерпретация исторической и экономической природы Советского государства. Известен тезис Л. Троцкого о том, что СССР «представлял собой деформированное рабочее государство с бюрократическими извращениями», однако Троцкий предостерегал от вынесения конечного заключения в отношении незаконченного процесса. Таким образом, рассматриваемые страны, в частности бывший СССР и нынешняя Россия, также проходят через сложные процессы трансформации, которым свойственны собственные противоречия. Эти противоречия усиливаются по мере более активного участия этих стран в мировом разделении труда. В докладе не делаются окончательные выводы в отношении природы СССР и бывших стран «реального социализма», но отмечен противоречивый характер их социально-экономической и политической эволюции.

В докладе сделана попытка сравнения диалектики В.И. Ленина и Г.В. Плеханова. Так, отмечены те моменты, где оба эти теоретики марксистской мысли первой половины XX века сходились. Однако более существенным, с точки зрения автора доклада, является то, где Ленин и Плеханов расходились. Одним из таких моментов было их понимание исторической диалектики. Особо выделена последовательно революционная диалектика Ленина, его убеждение в том, что диалектика развития – это, прежде всего диалектика революции. Именно революционная диалектика была слабым местом философских позиций Плеханова, что и привело в дальнейшем к разрыву Ленина и Плеханова.

Автор, отмечая, как используется разными политическими силами и их представителями наследие Г.В. Плеханова, напомнил в связи с этим случай, свидетелем

которого он стал в Москве 9 декабря на мероприятии в Колонном Зале Дворца Съездов, посвященном 150 летию Г.В. Плеханова. Выступавший там известный общественный и политический деятель, одна из ведущих фигур перестройки, произнес похвальное слово «хорошему ревизионизму» Плеханова, и осудил «плохой ревизионизм» Ленина (!), приведший, согласно точке зрения выступавшего, к установлению «коммунистической тирании». Затем выступавший задался вопросом: а была ли реальная альтернатива «установившейся тирании», и дал свой ответ: оказывается, «были три упущенные альтернативы – первая – барон Врангель времен Гражданской Войны, вторая – генерал Власов времен Второй Мировой Войны, а третья – Лаврентий Берия после смерти Сталина, которого выступавший назвал «предтечей перестройки» (!).

Имя Плеханова и его полемика с Лениным используются многими, в том числе и либералами, для оправдания своих политических и исторических взглядов и концепций, сколь бы «причудливыми» и несовместимыми с диалектикой самого Г.В. Плеханова они ни были.

Отмечен факт развития диалектического метода Л. Троцким и другими марксистами - теоретиками XX века, выделена огромная научная ценность концепции «нелинейного развития истории». В целом развитие теоретических концепций марксизма в ушедшем веке продолжалась в контексте попыток переосмысления имеющегося опыта с целью более глубокого понимания диалектики противоречий эпохи, создания новых подходов в рамках диалектического метода. Новые условия и новые противоречия приводят и к появлению нового анализа.

Следуя точке зрения Л. Троцкого, марксизм – «высшая формой теоретического сознания эпохи». Отмечен «нелинейный характер мирового развития», развенчаны попытки интерпретации марксизма как «теории однолинейного развития».

Изучение переходных процессов в настоящее время является как никогда более важным, так как мы переживаем эпоху переходного характера – эпоху перехода от капитализма в стадии заката к мировому социализму, который отвергается. Более чем когда-либо становится очевидным, что *переход* является ключевой категорией диалектики нашего времени, основной категорией диалектического подхода и марксистского анализа. В момент, когда старый мир, созданный после Второй Мировой Войны, лежит в руинах, а новый еще не появился, в этот период междуцарствия переход сводится к моменту, становящемуся для многих невидимым.

МАРКСИЗМ-XXI: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Н.А. Косолапов, Москва

С распадом соцсодружества и СССР марксизм политически оказался на развилке. С одной стороны, социалистическая идея в целом переживает тяжелейший на ее веку кризис, умножаемый потугами мировой реакции сделать его необратимым. С другой, падение прежних административно-идеологических шор открыло возможности для мощного рывка в развитии марксизма, для ответа на новые интеллектуальные, политические, практические вызовы мира XXI века. Но на этом пути были и пока остаются немалые идейно-политические трудности.

Классический марксизм, оставленный нам его основоположниками, дал науке и практике ряд гипотез исторического масштаба и значения. Их проверка – дело не

одного десятилетия и, по-видимому, даже не одного века. По существу только сейчас, спустя 150 лет, честная марксистская мысль получила в свое распоряжение опыт, научный анализ которого позволяет приступить – пока не более чем приступить – к оценкам изначальной гипотезы и, не исключено, ее некоторой корректировке.

Такой анализ, в свою очередь, должен будет задаться рядом трудных вопросов. Прежде всего предстоит разобраться, что такое сам марксизм – наука, неорелигия или научная идеология. Как теория, ориентированная на социальное изменение мира, он включает науку, но конечно же, больше чем просто наука. Как последней, марксизму предстоит интегрироваться со всеми достижениями естественных и социальных наук, полученными за последние полтора века. Но здесь никаких принципиальных проблем теоретического или методологического характера нет. Установка марксизма на поиск объективных закономерностей жизни и развития общества ныне еще более актуальна, чем когда была впервые выдвинута. Обращения к церкви, астрологам, политехнологам – циклический откат в реакцию и мракобесие, ни одной проблемы XXI века он не разрешит. У истоков марксизм опирался на атеистическое миропонимание. Атеизм, однако, *тоже вера* – но не в Бога, а в его отсутствие. Поэтому атеистическое сознание сродни религиозному, их структуры идентичны. Разница – в предмете веры, но сама вера в обоих случаях – фундамент сознания и мировосприятия. Вот почему марксизм удалось трансформировать в неорелигию марксизма-ленинизма.

Идеология, научная в полном смысле этого слова, видимо, несбыточная мечта. Трудность не только в том, что для нее резко недостает потребных фундаментальных и социотехнологических знаний. Непреодолимая трудность – в природе самой идеологии как явления, возникающего там и тогда, где и когда осознаваемый дефицит знаний и опыта приходится вынужденно компенсировать нормативными гипотезами. Собственно, в такой компенсации и заключается важнейшая социальная функция явления, призванного отвечать на вопрос «как жить, когда неизвестно, *как* (а иногда и *зачем*) жить?» Но идеология, на деле *стремящаяся* быть по возможности максимально научной, должна опираться на мощную систему эффективных обратных связей с обществом и наукой.

К концу XX века марксистская мысль накопила множество вопросов, без ответа на которые марксизм останется в конечном счете лишь эпизодом в эволюции рационалистических мышления и практики. Значимым, но эпизодом. Основные из этих вопросов можно суммировать следующим образом:

--- альтернативу чему ищет и предлагает марксизм? У его истоков это была альтернатива классическому, по современным представлениям «дикому» капитализму. В мире начала XXI века новая марксистская альтернатива должна противостоять одновременно (а) массивам дикости, которые втягивает в себя, перемешивает с современностью

процесс глобализации; (б) неолиберальным и родственным им попыткам вернуть социально ответственную экономику к эпохе капитализма «дикого», но теперь уже опирающегося на тоталитарный потенциал информационных технологий; (в) всем тем сторонам реального социализма XX века, которые в совокупности предопределили кризис социалистической идеи. Распад СССР сам по себе не опровергает краеугольные положения марксизма. Но с учетом обретенного опыта и пройденного пути иначе смотрятся положения теории и практические проблемы социализма, остававшиеся в тени или вообще не существовавшие во времена классического марксизма;

--- современное, притом практическое понимание сути и целей социализма – несводимое к социалистическому варианту «общества потребления». Главный и принципиальнейший вопрос: социализм – это механистически понятый зримый (т.е. отталкивающийся от внешних форм) антипод капитализма (тогда какого – классического или современного?) – или нечто иное, качественно новое? Если последнее, то что именно? Картина реального социализма может принципиально отличаться от его образа в представлениях идеалистов. XX век дал три типа реального социализма: коммунистический, идейно и практически наследовавший большевизму; социал-демократический и – как ни противно это признавать – национал-социалистский. Социально-экономические итоги первого и второго трудно сравнивать: страны бывшего соцсодружества начинали с гораздо более низкого уровня, чем Западная Европа, и понесли самые тяжкие потери во II мировой войне. Но в Европе, соцстранах, Китае успехи достигнуты благодаря социализму: в СССР и КНР – радикально-коммунистическому, Европе Западной – социал-демократическому. На всем протяжении XX века капитализм и социалистическая идея развивались в теснейшей взаимосвязи. Текущие итоги их развития – результат этой взаимосвязи, а не автономной эволюции каждой из двух систем. Эта взаимосвязь оказалась ныне под тройным ударом: со стороны США, навязывающих миру неолиберализм с выраженным фундаменталистским креном; со стороны тех сил, которые категорически не приемлют модернизацию, ведущую к западному типу и структуре общества и образу жизни; а также со стороны тех, кто под разными лозунгами пытается скрестить неустрашимые уже из современной цивилизованной жизни социальные достижения социализма с практикой и идеологией осовремененного национал-радикализма. При этом национал-социализм был в прошлом, остается сегодня эффективным средством дискредитации иных форм социализма и борьбы против них;

--- вопрос о революции как главном и/или единственном пути перехода от капитализма к социализму. Не вдаваясь детально в эту сложнейшую проблему, зададимся вопросом, насколько допустима сегодня революция как *осознанный выбор* в развитой стране, насыщенной технологическими инфраструктурами и

оружием массового поражения? Положение о насилии как повивальной бабке Истории – бесспорная констатация применительно к прошлому, но вряд ли прокрустово ложе для будущего. Упор на революционные методы и средства борьбы как единственно верные и допустимые выхолостил научное содержание марксизма, деформировал практику социализма в СССР и странах, первыми и по собственной инициативе вставших на этот путь, в конечном счете сыграл едва ли не решающую роль в постигшей СССР катастрофе. Г.В.Плеханов, не разделявший всеобщий восторг начала XX века перед приближением революции и осудивший октябрьский переворот 1917 г., оказался исторически прав.

--- проблема амплитуды колебаний исторического маятника. Ход истории складывался так, что амплитуда колебаний развития отдельных стран и народов вдоль «исторической равнодействующей» мирового прогресса увеличивалась. Этот процесс усиливался на протяжении XX века и продолжает нарастать. Действия США во многом этому способствуют (хотя действиями только США данный эффект не объясняется). Задача – уменьшить амплитуду колебаний вдоль той же равнодействующей. Замахиваться на последнюю рано. При этом центральное или одно из главных противоречий развитой части современного мира (включая бывший СССР) – между амбициями многому научившегося человека и все более остро ощущаемой неадекватностью имеющихся у него знаний и средств проблемам и задачам, которые ставят перед ним мировое развитие и его собственные амбиции.

Ответить на эти и многие не упомянутые здесь вызовы возможно. Но для этого необходимо избавиться наконец от вбитого в нас предрассудка о вреде, преступности, недопустимости так называемого *ревизионизма*. Сей политический ярлык сродни понятию ереси в религии и превращает научную идеологию в религию. Но религия в принципе не верифицируема и потому способна сохранять действенность века и тысячелетия. Идеология, заявляющая о наличии у нее научных оснований, неминуемо стоит перед неизбежностью верификации ее положений и должна не «считаться» с такой перспективой, но из нее исходить.

Развитие взглядов есть всегда в большей или меньшей степени ревизионизм. Институционально-политические системы, не способные на интеграцию в теорию и практику результатов непрерывной верификации (тем паче прямо

нацеленные на исключение, минимизацию обратных связей между жизнью и управлением), обрекают на неизбежный кризис и идеологию, и общество.

XXI век предъявляет спрос на способность марксизма к новому витку его развития – по творческой мощи аналогичному интеллектуальному прорыву начала XX столетия, неразрывному с именем Г.В.Плеханова, но направленному на решение неизмеримо более сложных проблем современного мира.

* * *

Доклады, заслушанные на конференции, вызвали оживлённые, порой достаточно острые дискуссии. Среди выступивших были: А. Ольховский (КПРФ), А.Чернобаев (редактор журнала «Исторический архив»), М.Конашев (зам. директора Института истории естествознания РАН), И.Абрамсон (РПК), А.Чоклин («Альтернативы») и др.

Наша Культура

Наша Культура

Николай Островский – снова и снова...

22 декабря этого года исполнилось 70 лет со дня смерти Николая Островского. Молодой человек, комсомолец, пройдя тяжелую школу жизни (революция, Гражданская война, ранение, тиф, стройки первых лет социализма), вследствие прогрессирующего паралича оказался прикованным к постели. В 24 года ему оставалась только смерть. Но Островский не сдался: он начал активно читать классику, осваивать писательское ремесло и, «сменив штык на перо», по-прежнему принимал участие в деле строительства социализма. «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной», – слова героя его книги автобиографичны.

Уже первый роман, написанный Н.Островским, «Как закалялась сталь» (1934) получил феноменальный успех у читательской аудитории: еще при жизни писателя книга издавалась и переиздавалась многотысячными тиражами, переводилась на иностранные языки, изучалась и обсуждалась на комсомольских и партийных собраниях всего Союза. Популярность «Как закалялась сталь» вряд ли была обусловлена недвусмысленной «металлургией» названия или спровоцирована какими-либо официальными директивами, она возникла непосредственно в народных массах. Об этом свидетельствует та волна писем, которая шла сначала писателю, а затем, после его смерти, в издательства и музеи Островского. Желание подражать герою книги Павлу Корчагину на многие годы определило романтические устремления советской молодежи. В связи с этим еще в 1930-е годы писатель Андрей Платонов назвал Корчагина «одной из наиболее удавшихся попыток обрести,